

какъ эти звуки въ зырянскомъ языкѣ совершенно отсутствуютъ. Изъ этого я рѣшаюсь сдѣлать такой выводъ, что японское и зырянское нарѣчія взаимно не превратимы одно въ другое, и, слѣдовательно, всякая возможность племенного родства зырянъ съ японцами совершенно исключается.

Мы, сѣверяне и, въ частности—зыряне, очень благодарны почтенному профессору за его попытку породнить насъ съ японцами, этими „англичанами Востока“, усѣившими въ какія-нибудь 40 лѣтъ воспринять, усвоить и посадить у себя европейскую культуру и цивилизацію. Но когда намъ не даютъ никакихъ доказательствъ этого родства, а просятъ вѣрить на слово, то мы считаемъ себя вынужденными отказаться отъ подобнаго „родства“, потому что „самозванцами“ сородичами“ ни японцевъ, ни кого другого быть не хотимъ.

Описавъ свое обратное путешествіе изъ Японіи домой, г. Жаковъ заканчиваетъ свою статью такими словами:

„Снова мы были въ Россіи и не печалились (!). Родина мила сердцу человѣка, но свѣтлая Японія спилась намъ долго, снится и донинѣ... О волшебный свѣтозарный край Востока! Какъ утреннюю зрѣю и сплужу въ лучахъ ея, вспоминаю я тебя. Не успѣлъ еще отдохнуть и въ родимомъ Петербургѣ, какъ снова стремлюсь душой къ японскимъ горамъ, внутрь Китая, къ берегамъ Янтсекианга. Мени влещутъ и красочная жизнь Дальняго Востока, и таинственные его языки, въ звукахъ которыхъ я читаю прошедшее человѣчества“.

Последняя фраза звучитъ гордо, но не убѣдительно, потому что поѣздка въ „свѣтлую Японію“ привела г. Жакова къ совершенно привратнымъ результатамъ.

„Морть“.

Уходъ и воспитаніе дѣтей у народа

(Первое дѣтство).

Посвящается памяти
Князя Вячеслава Николаевича
Тенишева.

Настоящая монографія принадлежитъ перу б. народнаго учителя и сотрудника Этнографическаго Бюро Князя В. П. Тенишева г-на Дивильковскаго. Представляя собою, въ качествѣ популярной статьи, совершенно законченный и литературно обработанный трудъ, вполне исчерпывающій находившіеся въ распоряженіи г-на Дивильковскаго этнографическіе матеріалы, монографія эта, если не считать нѣкоторыхъ, чисто редакціонныхъ исправленій, не подвергалась съ нашей стороны никакимъ существеннымъ измѣненіямъ.

А. А. Чарушинъ.

Въ первое время послѣ рожденія крестьянскій ребенокъ обыкновенно не пользуется уходомъ матери,-- за нимъ ходитъ бабка-новитуха, свекровь, старшая „сношальница“ и т. д. Онѣ моютъ его и парятъ, даютъ ему изъ ротъ „сосульку“, т. е. „чавкашый припекъ или баранки, завязанные въ рѣдкой тряпочкѣ или кисей. Такую пищу ребенокъ получаетъ, пока у матери не появится молоко или пока ребенка не окрестятъ, такъ какъ мѣстами, напр., въ Орловскомъ у., Вятской губ., принято думать, что ребенокъ до крещенія „тогъ-же чертенокъ“, и ему нельзя давать груди. Поэтому, если и позволяютъ матери кормить ребенка, то тотчасъ же его отбираютъ, не давая съ нимъ возиться.

Въ колыбель также не кладутъ ребенка первые 3—5 дней, такъ какъ въ это время онъ еще очень тихъ и „не смыслить“ укутыванья; его кладутъ въ погачъ матери или помѣщаютъ на пелю. укутавъ овчиной. Въ эти дни его часто „скунываютъ“, даже иногда раза по два въ день, что продолжается перѣдко и тогда, когда мать уже встанеть и приметъ младенца въ свое полное завѣданіе, въ продолженіе одной, двухъ недель. Вообще, въ первое время, пока ребенокъ еще слишкомъ слабъ и его необходимо „отъ дить“, уходъ за нимъ обиааетъ на деревенскую мѣрку, весьма тщательный; его часто переносываютъ, не давая лежать мокрому, безпокоятся при малѣйшемъ его крикѣ, часто осматриваютъ тѣльце, не давитъ ли сдѣ, не заирѣли ли складки тѣла, которая въ такомъ случаѣ посыпаютъ картофельной мукой, опилками или мажутъ деревяннымъ масломъ. Главная его пища въ это время молоко матери, хотя считаютъ полезнымъ прикармливать и соскомъ. Со дня крещенія, когда священникъ впервые налѣваетъ на младенца рубашечку, костюмъ его состоитъ изъ этой послѣдней, затѣмъ изъ платочка на головѣ или чепчика, который молодыя особенно матери стараются изукрашить понаряднѣе; пьютъ его изъ кумача, стегаютъ на ватѣ, убираютъ стеклянными пугожками, бахромой, ленточками. „Убранъ, какъ куколка“, — говорятъ сосѣди. Затѣмъ слѣдуютъ пеленки, обязанность которыхъ въ деревнѣ всегда исполняютъ обрывки стараго, изношеннаго бѣлья; сверху ребенокъ покрывается „свивальнымъ“ обыкновенно длинной кромкой домашняго сукна или поясомъ. Послѣ кушанья надѣвается чистое бѣлье.

Какъ только ребенокъ окрещенъ, т. е. становится полноправнымъ членомъ крестьянской семьи, а мать встанеть на ноги, обычнымъ мѣстопребываніемъ его становится колыбель. Послѣдняя, въ зависмости отъ мѣстности и вкуса родителей, бываетъ разнаго вида: но встрѣчаются преимущественно два типа колыбелей: колыбель тяжелая и походная или переносная; различаются онѣ и названіями, хотя часто смѣшиваемыи „зыбка“ и „люлька“. „Зыбка“ представляетъ собою достатый ящикъ „въ шину“, глубиною въ 1¹/₂—2 четверти, или же овальной формы „коробъ“ изъ липоваго дубка, тонкимъ расщаренною осиновою доской, наконецъ, какъ въ Новгородскомъ губ., корзину, плетеную изъ сосновой лучины или изъ пивика. Дно „зыбки“ дѣлается изъ досокъ или изъ переплетенныхъ тонкихъ перовочекъ или же изъ холста. Изголовье иногда отгораживается дощечкой съ кривкою и тогда оно служитъ для храненія имущества ребенка: соски, розка, сюда же гости при посѣщеніи кладутъ гостинцы — крендель, пряникъ, конфекту. „Люлька“ по большей части состоитъ изъ узкой деревянной рамки „станка“, въ которой подшита холстина, въ видѣ мѣшка, такъ что образуется родъ гнѣздышка, сдѣ и помѣщается ребенокъ. „Люлька“ по своей легкости предпочтается особенно во время полевой работы, когда мать забираетъ ребенка съ собою „на шину“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она по этой же легкости легко терять дѣтей, т. е. опрокидывается, чего съ глубокою зыбкою почти никогда не бываетъ.

На дно колыбели стелется озимая или яровая солома, а сверху ворохъ какого-либо тряпья помягче, овчинка или „перовая“ шеринка. Въ голову ребенку кладется обыкновенно подушечка изъ перьевъ или мѣльче или овечьей, оленьей шерсти. Изрѣдка готовится младенцу стеганое одѣяльце, но чаще укрываютъ его „шубейкой“, т. е. братниной или сестриной уличной одежонкой. Колыбель подвѣшивается съ

помощью веревок или „лучекъ“ изъ дубка, пвовыхъ, черемушныхъ прутьевъ къ такъ наз. „очану“, „очѣну“ или „зыбелыбъ“, т. е. длинному гибокому березовому или еловому шесту, который однимъ концомъ упирается или врубается въ стѣну, а другимъ проходитъ подъ „матку“ (потолочный брусъ) или же пропускается чрезъ желѣзное кольцо. „Очанъ“ служитъ для приведенія колыбели въ вертикальное колебаніе, такъ какъ въ деревѣ не примѣняется качаніе изъ стороны въ сторону; и для бабы, занятой другимъ дѣломъ, онъ очень удобенъ, такъ какъ, благодаря гибкости, долго сохраняетъ свое движеніе.—Для защиты дитяти отъ мухъ, комаровъ, свѣта, вѣтра и „отъ глазу“ веревки или „лучки“ покрываются „положкомъ“, т. е. какимъ-нибудь старымъ материнскимъ платьемъ, сарафаномъ или юбкой, а для качанія мѣстами прикрѣпляется къ колыбели „лямка“ или „подѣвка“, въ видѣ веревочной петли, которую мать или нянька двигаетъ ногою. Въ нѣкихъ губерніяхъ, какъ Ярославской, если хозяйка еще желаетъ имѣть дѣтей, считается полезнымъ вырубать „очанъ“ изъ чащи, а чтобы ребенокъ спалъ спокойно, во Владимірской, напр., губ. на соломенную его подстилку кладутъ грѣбешъ или веретено. Надъ колыбелью вѣшаются всегда „крестики“ и „брызочки“.

Но мѣрѣ того какъ ребенокъ прииспособляется къ условіямъ своего существованія, а мать втягивается въ круговоротъ домашней работы, младенцу уделяется все меньше и меньше вниманія, и онъ въ сущности растетъ почти брошенный на произволъ судьбы. При условіи вѣчной занятости всѣхъ членовъ семьи къ новому ея члену предъявляется главное требованіе, „чтобы тихъ былъ“, и поэтому всѣ усилія его воспитателей направлены на то, чтобы онъ спалъ и не мѣшалъ работѣ. Два главныхъ средства существуютъ для этого: кормленіе и укачиваніе. Если дити не спитъ, безвокоптея, кричитъ, то всегда предполагаютъ прежде всего, что „оно голодно“, и стараются заткнуть ему ротъ грудью. Грудью кормятъ, не разбирая никакихъ сроковъ, иногда чуть не каждую минуту, до того, что у ребенка дѣлается рвота.—тогда думаютъ, что его сглазили, и опять даютъ ему грудь уже „черезъ гайтанъ“, т. е. черезъ снурокъ отъ шейнаго креста. Если же ребенокъ, наконецъ, не хочетъ брать груди и все кричитъ „безъ унимутъ“, то въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ соскѣ и рожку. О соскѣ мы уже знаемъ, что она такое, и здѣсь слѣдуетъ только прибавить, что перѣдко она дѣлается изъ какой-либо предно-окрашенной матеріи и что весьма скоро въ ней жеванные баранки, припикъ замѣняются болѣе грубымъ по покрѣстьянски болѣе здоровымъ содержимымъ, какъ-то: жеваннымъ чершамъ хлѣбомъ, иногда съ солью, который де „кѣрнить“ желудочекъ“, какою-либо кашей—гречневой, манной или просто, наконецъ, мѣшивомъ изъ пшеничной, ржаной муки на молоко, а въ бѣдныхъ семьяхъ и безъ него. Вообще, матери убѣждены, что ихъ молока ребенку совершенно недостаточно, что соска гораздо питательнѣе материнскаго молока, почему и суютъ ее раскричавшемуся „диченку“, никакая его этой вредной для желудка „жевкой“, „жеванной“ или „жавкой“, обернутой въ грязную, перѣдко прокисшую и испортившуюся тряпку. „Жавковому“ ребенку перѣдко въ соску подбавляютъ еще отваръ макавыхъ головокъ, прада, усыняющій его, но и отравляющій организмъ ребенка; такую печальную роль исполняетъ водка. Такъ какъ такая соска требуетъ при сосаньи мѣтѣ усилій, чѣмъ грудь, то дѣти часто настолько привыкаютъ къ ней, что безъ нея не могутъ заснуть.

и перѣдко предпочитаютъ ее груди. Поэтому, случается, что ребенокъ 4—5 мѣсяцевъ самъ отказывается отъ груди, и матерямъ ихъ не приходится отнимать.

Другая замѣна материнской груди — „рожокъ“ или „рогъ“. Это или коровій рогъ съ надѣтою предварительно тщательно вымоченною въ соленой водѣ коровьей-же „сиськой“ или „титъкой“, или все болѣе распространяющіяся вышѣ гуттаперчевыя „сиськи“ съ стеклянными нузьярькомъ. Въ рожокъ льютъ коровье молоко, иногда прокисшее, чаще же прямо сырое, при чемъ бѣдяки разбавляютъ его водою; за немѣнѣемъ же молока туда льютъ квасъ и чай; наконецъ, чтобы занять ребенка, даютъ ему сосать и пустой коровій или резиновый сосокъ или для той же цѣли суютъ ему палецъ въ ротъ. Какъ и соска, рожокъ содержится всегда чрезвычайно небрежно, полощется одна разъ въ недѣлю, и молоко въ немъ закисаетъ, покрывая толстымъ створоженнымъ слоемъ стѣнки; однако, въ старое закисшее молоко преспокойно льется новое, и въ рожокъ такимъ образомъ скопляется за недѣлю масса нечистоты. При подобныхъ условіяхъ, не обинуясь, можно сказать, что соска и рожокъ въ деревнѣ служатъ едва ли не главнѣйшимъ источникомъ желудочно-кишечныхъ болѣзней у дѣтей и болѣзней рта, напр., „молочницы“, „цѣвта“, отъ которыхъ при отсутствіи ухода дѣти часто и гибнутъ. Заболѣвшій ребенокъ кричитъ еще больше, тогда, не имѣя возможности „унять“ его соской, стараются укачать.

Качаютъ ребенка не потихоньку, а наоборотъ, какъ можно сильнѣе, такъ что укачиваемый перѣдко подпрыгиваетъ, какъ мячикъ. Заботятся тутъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы одурманить ребенка такою тряскою, отчего у него перехватывается дыханіе, и онъ перестаетъ кричать. Перѣдко къ тому же прибавляютъ разные зашугивающіе приемы, напр., сильно стучать объ окно, о лавку рукою или чѣмъ-нибудь. Та же цѣль преслѣдуется и убавкиваниемъ. Зѣвѣвъ съ одной стороны, мать или няшка стараются заглушить „скригъ“ дитяти своею пѣсней, съ другой, однообразнымъ и заунывнымъ мотивомъ вызвать расположеніе ко сну. Впрочемъ, далеко не всегда укачиваніе сопровождается пѣніемъ, такъ какъ матери некогда: нога ея качаетъ зыбку, а руки исполняютъ хозяйственное дѣло. Иногда отъ „заблутники и пѣсеня на умъ нейдетъ“, и весь припѣвъ состоитъ изъ одного звука: „о-о-о...“, „а-а-а...“ или „ш-ш-ш...“ Тѣмъ не менѣе колыбельная пѣсеня вещь обычная, и репертуаръ такихъ пѣсенъ чрезвычайно богатъ и разнообразенъ въ народѣ, тѣмъ болѣе, что перѣдко мать или няшка импровизируютъ ихъ тутъ же на мѣстѣ. Приведемъ нѣкоторыя наиболѣе распространенныя въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Вай, вай, вай,
Поди, бука, подь сарай,
Самѣ спать не мѣшай.
Ужь ты, Сашенька, усни,
Угомонь тебя возьми.

Ой, качи, качи, качи,
Подь подушкой калачи,
Вь ручкахъ прянички,
Вь щечкахъ яблочки,
Ой, лю-лю, лю-лю, лю-лю.

У кота, у воркота
Была мачиха лиха,
Она была кота,
Приговаривала:
Не ходи ты, котъ,
По чужимъ дворамъ,
Да по зыбочкамъ.
Приди, котъ, почевать,
Приди Ванюшку качать,
Я тебѣ-то, коту,
За работу заплачу:
Дамъ кувшинъ молока
И кусокъ пирога.

Баю, баюшки, баю,
Живеть мужикъ на краю,
Онъ не бѣденъ, не богатъ,
Полна горенка ребятъ.
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Всѣ въ окошечко глядятъ,
Кашу съ маслицемъ ѣдятъ

Ай, баю, баю, баю,
Не ложись на краю,
Придетъ сѣверный волчокъ,
Тебя схватитъ за бочекъ,
Онъ утащитъ во лѣсокъ,
Ночь ракитовой кустокъ.

Вообще говоря, „котикъ“ и „гули“ играютъ значительную роль въ русской колыбельной пѣснѣ. Кромѣ распространенныхъ, для примѣра возьмемъ еще нѣсколько пѣсенъ, являющихся или образцомъ импровизаціи или свойственныхъ только данной мѣстности.

Въ центральныхъ губерніяхъ, какъ Владимірской, Орловской, Смоленской, поютъ:

Ой, баю, баю, баю,
Гдѣтъ-ли мѣстечка въ раю.

Ой, качу, качу, качу,
На скрипучемъ очену.

Баю, баюшки, баю,
Баю дитятку мою.
Пошелъ котикъ во лѣсокъ.
Нашелъ котикъ поясокъ,
Къ люлечкѣ привязалъ,
Мою Машечку качалъ.

Котикъ, котикъ, котеночекъ,
Приходи къ намъ на денечекъ,

Въ сѣверныхъ губерніяхъ, какъ въ Новгородской и другихъ, поютъ:
Ужъ вы, кошки-коты,
У васъ сѣрые хвосты,
Стали кошки ворковать,
Коты дитю услышать,
Вѣла ланка въ головахъ,
Купня шубка на ногахъ.

Баю, баюшки, байки,
Потерялъ мужикъ портки,
Портки строчиле,
Цевороченье,
Ужъ ихъ дѣвушки строчили,
Гараканы источили.

Зайка хмелю панциналъ,

Баю, баюшки, баю,
Колотушекъ падаю,
Колотушекъ съ нить,
Лучше будетъ Ваня спать.

Люли, люли, люли,
Прилетѣли гули,
Садилсь на люли;
Стали гули ворковать,
Чѣмъ намъ Васеньку питать?
Мы слетаемъ на торжокъ,
Купимъ малому рожокъ,
Станемъ кашку варить,
Молочкомъ его поить.

Намъ по спать, не лежать,
А все Мишеньку качать.
Дадимъ коту ланки (хлѣба) въ ланки,
Сосъемъ коту чеботы
По самые животы,
Сосъемъ коту шубку
По самую грудку.

Ходитъ котикъ по лавочкѣ,
Водитъ кошку за лапочки,
Кошка упала, ножку сломала,
Бай, бай, бай,
Твой батька залѣнай,
Машка залѣнаха,
Пянька растренаха.

Во лѣсочекъ побѣжалъ,
Печку сѣвромъ затопилъ,
Да и пива лаварилъ,
Дитю пивомъ напоилъ,
Дитя выспинься,
Да не куражься,
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь серебро носить,
Большой вырастешь,
Певѣсту выберешь.

Уклади тебя Никола
О теперешнюю пору,
Уклади тебя Снасъ
О теперешній часъ.

Въ случаѣ, если ни кормленіе, ни ублаживаніе не могутъ унять раскричавшагося ребенка, матери прибѣгаютъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: идутъ къ захаркѣ или у себя дома примѣняютъ различныя суевѣрныя средства, не думая совершенно, что страданія ребенка часто являлись слѣдствіемъ ошукъ нечистоты, ошукостей и пр. Но нѣтъ мѣрности, ни него навали «крикеры» или «крикуны». Въ это время гитѣнцескія условія содержанія деревенскихъ дѣтей представляются вообще изъ рукъ вонъ плохими. Могутъ нѣтъ уже не каждый день, какъ сначала, а развѣ отъ субботы до субботы, когда сама мать идетъ въ баню и тамъ легонько попарить своего «дитю». Чего его чаще то мыть, вѣдь онъ не моетъ, не запачкался? заливаетъ матери. Точно также мало дѣтей и «перевортываютъ», т. е. перепеленываютъ. «Неколи съ нимъ возиться, — тутъ своя работа, да и на барскомъ дворѣ хотя поработать». Цѣлые дни иногда ребенокъ совсѣмъ не выходитъ изъ колыбели, и хорошо еще, если вынуть мокрая пеленки и поскрѣпить къ печкѣ просушить, а то повернуть другой стороной и только Гривнахъ дѣтей при этомъ тоже не обмываютъ, а лишь оботрутъ немного. «Богъ дастъ живота, и такъ будетъ жить, замѣчаютъ матери, а пошлетъ Богъ смерть, такъ тутъ, какъ его ни обмывай, все равно помереть». Часто ребенка заворачиваютъ въ цѣлый ворохъ тряпочъ, одна на другую, и такъ оставляютъ на цѣлый день, чтобы онъ не такъ промокъ и спокойнѣе былъ. При этомъ подостланную солому изъ лѣжки почти никогда не перемѣняютъ, отчего въ ней заводятся черви. При такихъ условіяхъ отъ лѣжки ребенка несетъ обыкновенно ужасная вонь, и только привычное обоняніе деревенскаго жителя можетъ безъ отвращенія выносить атмосферу, стоящую тамъ и застилающую всю избу. Что касается самихъ ребятъ, то разнообразныя кожные слани и доходящія до степени язвъ ошукости становятся нѣтъобычными утѣломъ, и только, когда вниманіе матери поневоли обращается на такія явленія, она принимается присыпать ребенка «червоточной» (перошохъ гнилого дерева) или затягивать ошукости грязною паутиною.

Если въ зимнее время такъ плохо приходится юному крестьянскому поколѣнью, то лѣтомъ положеніе его еще ухудшается. Въ это время вся непосредственная возня съ дѣтьми выпадаетъ на долю старшихъ ребятъ и главнымъ образомъ дѣвочекъ. Послѣдняя отсюда, въ возрастѣ 6—13 лѣтъ, такъ и зовутся въ народѣ «няньками». Если у крестьянина на родится дочка, то нѣрѣдко можно услышать, какъ онъ утѣшаетъ себя: «пу, хоша своя нянька будетъ, по крайности денегъ не платить чужому человѣку». И роль няньки выпадаетъ на долю крохотной 6—7 лѣтней малютки, едва видной отъ земли, которая, съ трудомъ и еле передвигая ножками, таскаетъ по улицѣ тяжелата братишку. Конечно, что такая «неступня» не въ состояніи ухаживать, какъ слѣдуетъ, за ребенкомъ, и весь ея уходъ ограничивается развѣ качаніемъ колыбели почти прилѣвъ «кота-воркота» да сованіемъ въ ротъ ребенку рожка или соски. Въ періодъ лѣтнихъ работъ, когда мать часто на цѣлый день отлучается изъ дому, подъ приемотромъ такихъ маленькихъ нянекъ и оставляются дѣти. Дѣвченка-нянька только о томъ и заботится, чтобы укачать ребенка, а затѣмъ, заперевъ избу, сама бѣжитъ на улицу поиграть съ подружками. Ребенокъ просынается и, надрынаясь, кричитъ до тѣхъ поръ пока нянька наконецъ не вспомнитъ о немъ и не приметъ опять за качанье. За отсутствіемъ въ семьѣ дѣвочекъ, обязанности няньки съ равнымъ усѣихомъ выполняются и мальчиками. Кроме того, если есть и

семья „бабушка“ или „дѣдушка“, т. е. уже совсѣмъ древніе старики, неспособные ни къ какой другой работѣ, то ребенокъ поступаетъ въ ихъ распоряженіе. Отъ послѣднихъ ему не лучше, такъ какъ стараго человека всегда клонитъ ко сну, и, уложивъ внука, они отправляются спать куда-либо въ укромное мѣсто и совершенно не слышать плача оставленнаго. Если нѣтъ своихъ людей, то въ лѣтнее время занимаютъ чужую няньку—дѣвочку 8—9 лѣтъ, бездомую старуху или просто неспособнаго къ труду калѣку. Нерѣдко нѣсколько матерей сообща занимаютъ одну такую няньку для досмотра за своими ребятами. Но отъ чужихъ нянекъ еще меньше толку, а побосевъ ребенку достается еще больше. Въ зависимости отъ мѣстности нянькѣ платится руб. 8—12 за дѣло. При всѣхъ такихъ условіяхъ въ лѣтнее время нерѣдки вообще несчастные случаи съ ребятами. Въ одной семьѣ Вологодск. г., напр., нянькой оставленъ былъ слѣпой. Однажды вскричали его на сходку выпить. Поторопившись, онъ для успокоенія ребенка нагрѣлъ одѣяло въ печи, завернулъ имъ ребенка и наказалъ мальчику 6—7 лѣтъ качать его. Отъ прихваченныхъ съ одѣяломъ печныхъ углей загорѣлась векорѣ солома и зыбка. Мальчикъ бросился было тушить и кричать народъ, но когда послѣдній сбѣжался, было уже поздно: оба малютки обгорѣли и померли. Случается и такъ, что мать, не имѣя кого оставить при ребенкѣ, забираетъ его одного въ избѣ на цѣлый день, сунетъ въ ротъ его соску и со словами: „покричить, покричить да и заснетъ, не боюсь живъ будетъ“—уходитъ въ поле. Впрочемъ, чаще всего въ такихъ случаяхъ женщины забираютъ ребенка вмѣстѣ съ „люлькой“ съ собой. Здѣсь въ полѣ болѣе заботливыя матери дѣлаютъ для него нѣчто вроде палатки изъ трехъ связанныхъ наверху шестовъ, покрывая ихъ „полоскомъ“ и подвѣсивая тамъ люльку, иная же просто помѣщаютъ ребенка гдѣ-либо подъ тѣлѣгой или на снопахъ безъ люльки. Мать навѣщаетъ его тутъ отъ времени до времени, чтобы покормить, приглядѣть, однако же, работа не позволяетъ ей часто это дѣлать, и „паренекъ“ или „дѣвченка“ цѣлый день валяются на солнечномъ прирѣкѣ вилоголодь, подвергаясь нападенію цѣлыхъ роевъ комаровъ, мошекъ и мухъ. Можно ли удивляться отсюда, что въ лѣтнія жары гибнетъ въ деревнѣ до 17—20% всѣхъ родившихся за годъ ребятъ жертвою заболевания желудка и кишекъ.

Собственно въ непосредственномъ заведѣваніи матери ребенокъ и зимою и лѣтомъ находится лишь по ночамъ. Какъ бы ни сбилась съ ногъ мать „съ устатку“ отъ дневной тяжелой работы, ночью ей приходится возиться съ ребенкомъ самой, и если нападетъ на него „ночница“, то мать нерѣдко „мается“ съ нимъ всю ночь и на утро, не сомкнувъ глазъ, отправляется вновь на работу. Чтобы дать себѣ какой-нибудь отдыхъ, иная мать беретъ „дитенка“ подъ бочекъ, т. е. къ груди, или вѣшаетъ зыбку какъ можно ближе къ постели. Но и тутъ возникаетъ опасеніе какъ-нибудь не „приспать“ ребенка, т. е. печально не задавить его, что считается большимъ грѣхомъ, или не „пролежать“ его, не сбросить печально изъ люльки на полъ, когда онъ „того гляди зашибется“. А все это для умаявшейся матери какъ нельзя легче можетъ случиться, такъ какъ послѣ тяжелой работы въ полѣ она засыпаетъ мертвымъ сномъ.

Таковы условія жизни и обстановки, какія приходится переносить деревенской дѣтвора въ періодъ колыбельнаго возраста. Однако, не слѣдуетъ думать, чтобы въ созданіи этихъ условій выражалось грубое или

безсердечное отношеніе къ дѣтямъ со стороны родителей. Вся причина здѣсь кроется лишь въ отсутствіи досуга старшихъ и въ ихъ невѣжествѣ относительно потребностей и надлежащаго ухода за младенцемъ. Что же касается заботливости о немъ, то таковой въ сущности у родителей вполне достаточно. Это видно уже хотя бы изъ того, что ребенокъ въ народѣ всегда слыветь „андельской душой“, любовь къ нему выражается и въ словахъ и поступкахъ, а также во множествѣ суевѣрій, которымъ часто невозможно бываетъ даже подыскать основаній. Такъ, напр., считается грѣхомъ цѣловать ребенка въ губы до годичнаго возраста и очень вреднымъ дуть на личико его, иначе онъ „переминетъ“, т. е. будетъ съ уродливыми вѣками, затѣмъ „казать“, особенно некрещенаго чужимъ, такъ какъ могутъ его „сглазить“ или „озенать“, какъ выражаются въ Ярославской г. Не полагается, по мнѣнію народа, класть младенца спать такъ, чтобы не него падалъ лунный свѣтъ, далѣе—до году стричь ногти, если не хотить, чтобы изъ него вышелъ воръ, и, наконецъ, на очашь „качули“ или колыбели вѣшать пеленки для просушки, иначе ребенокъ не будетъ спать по почамъ. Въ Вологодской г. пустую колыбель не оставляютъ открытой, чтобы не проникъ въ нее „полуденникъ“, „денникъ“ или „зыбочникъ“ и не сталъ бы пугать ребенка, точно также такую колыбель не качаютъ, такъ какъ говорить, что отъ этого ребенокъ лишится сна или на него нападутъ „криксы“, „починца“, и онъ можетъ заболѣть и умереть. Другіе болѣе опредѣленно поясняютъ, что въ порожнюю люльку домовою кладетъ своихъ дѣтей, а то и самъ „нечистый“ качается, „потому онъ всякія шалости любить и ежели видить, что человекъ бездѣлнымъ занимается да пустую люльку качаетъ, онъ и войдетъ въ люльку“. Также точно нельзя кружить пустую колыбель,—голова у ребенка закружится, нельзя шагать черезъ нее, нельзя двоимъ вмѣстѣ качать—двойники будутъ (двойни) и пр. Мать, перѣдко любящая на своего младенца, особенно любить слѣдить на его лицѣ улыбку во снѣ. Въ это время, по ея глубокому убѣжденію, самъ ангель-хранитель „гулитъ“ младенца или же „андельская душенька съ нимъ бесѣдуетъ, на все доброе наставляетъ“. Тревожить ребенка въ это время отнюдь нельзя—„андель уйдетъ, а нечистый то андельскія рѣчи и начнетъ разбивать“. Наоборотъ, когда ребенокъ всхлипынаетъ сквозь сонъ или „голосомъ“ плачетъ, это значить, что его „нечистая сила страцаетъ“, и тогда нужно почаще благословлять колыбель или же, какъ въ Ярославской губ., сдѣлать изъ соломы, вспырнутой водою, крестикъ и положить подъ изголовье ребенку, тогда „нечистый и перестанетъ смущать“.

Безпокойство матери о ея ребенкѣ выражается также и въ частомъ обращеніи къ лечебнымъ средствамъ противъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ болѣзней. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего „крикунъ“ или „криксы“ и „починцу“, за коковыя принимается всякій неумолчный крикъ младенца отъ какой бы то ни было причины, для матери неизвѣстной. Причиною здѣсь считается болѣею частью то, что ребенка „сглазили“, т. е. посмотрѣлъ на него „дурной глазъ“. И тогда мать идетъ къ какой-либо старухѣ, осведомленной въ этомъ дѣлѣ. Послѣдняя, осмотрѣвъ ребенка, рѣшаетъ: „одивовали у тебя кор-мильца-то! Вишь онъ у тебя какой хорошенькій, долго-ли сглазить“—принимается умывать его, накапавъ въ воду четверговой свѣчей и прочитавъ „Богородицу“ и „Отче Нашъ“ до трехъ разъ. Въ Пензенской губ. ходять въ этихъ случаяхъ еще „молиться на мѣсяцъ“ утромъ и ве-

черомъ, чтобы онъ „взять себѣ крикъ“, или выходить на три заря, т. е. выносить ребенка по три раза утромъ или вечеромъ во дворъ и кланяться съ бабынымъ вѣшникомъ въ рукахъ зарѣ, упрашивая ее: „заря ты утренняя (или вечерняя), прости Христа ради младенца (такого-то)“. Наконецъ, мѣстами несутъ ребенка въ курятникъ подлѣ наместа и, глядя на куръ, приговариваютъ: „куры, куры, возьмите крикеса младенца (такого то)“. „Ночница“ или „ночникъ“, т. е. бессонница, случается, по мнѣнію крестьянъ, оттого, что не даетъ спать „ночной“. Тогда въ Смоленской, напр., губ. ставятъ подлѣ люльку сковороду, кладутъ на нее три пожа, три вилки, три иголки и говорятъ: „ночница, ночница, на пожи, зарѣжься, на вилки и проткнись, на иглы—проколнись“. Другое болѣе распространенное объясненіе „ночника“, что у ребенка „отъ родимой грязи“ завелась „путьника“ или „щетника“ и не даетъ спать, высывая ночью на спигѣ. Въ Вологодской губ. тогда некутъ „колобагъ“ на дрожжахъ и даютъ ѣсть ребенку или же натираютъ ему спину квасцами съ разными приговорами. Кромѣ означенныхъ болѣзней, сравнительно легкихъ, матери опасаются для своихъ дѣтей и болѣе серьезныхъ, особенно—„собачьей старости“ или англійской болѣзни. Когда подозреваютъ появленіе этой послѣдней, то младенца усердно парятъ въ банѣ, поджариваютъ въ печи, т. е. суютъ его нѣсколько разъ въ теплую печку, привязавъ къ лопатѣ, или же поятъ водою „съ колокольчика“, „камника“, „съ дверной скобы“ и пр. Парить въ банѣ считаютъ полезнымъ мѣстами вмѣстѣ съ собаченкой, чтобы послѣдняя „взяла себѣ“ болѣзнь; съ этою же цѣлью пекутъ изъ ржаной муки калачъ значительныхъ размѣровъ, просовываютъ въ него ребенка и затѣмъ калачъ этотъ бросаютъ на съѣденіе собакамъ. Кромѣ того, въ народѣ признаютъ еще рядъ другихъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ болѣзней у дѣтей, какъ, напр., „путьяную грыжу“, „вихлецъ“, „гнетцу“, „замай“ и т. п. Лѣчатъ отъ нихъ все подобными же суевѣрными средствами. Такъ въ Олонецкой губ., если у ребенка великъ животъ, кладутъ его на мыльцы для льна, сверху слегка прижимаютъ, и мать спрашиваетъ бабу: „кого мнешь?“—„гнетцу“—отвѣчаетъ та.—„Гнети ее большій“—проситъ мать. Въ прежнее время еще „заговаривали восницу“, но теперь осплощиваніе сдѣлало громадныя усилія, и заговоры повсюду уступили мѣсто прививкамъ, польза которыхъ признается самымъ народомъ. То же можно сказать и относительно недавно введенныхъ дифтеритныхъ прививокъ.

Заботы и ласки матери къ ребенку проявляются вообще всѣми возможными способами. Мать вслѣдствіи старается скрасить жизнь его и развлечь. Такъ, напр., расцеловать ребенка, она поглаживаетъ его вдоль руками, ласково приговаривая: „Потягунушки, вдоль растунюшки, поперекъ толетунюшки, глазкамъ глядунюшки, язычку говорунюшки, ручкамъ держунюшки, ножкамъ ходунюшки!“.—Когда же дитя кое-что уже смыслить, ему агукуютъ и „тетенкаютъ“, т. е. разговариваютъ съ нимъ звукомъ „агу“, и подбираютъ въ рукахъ съ припѣвами вродѣ слѣдующихъ, записанныхъ въ Симбирской губ.

Тунки, тутунки,
Жаровы игрушки,
Где тень—потетень,
Выше города плетень.

Или:

Тотынецъ, тотынецъ,

Ты соломенный дворець,
У тебя шесть овецъ,
Седьмой жеребець,
Старичекъ да бабушка,
Царенекъ да дѣвушка,
Цѣтунюкъ да курочка.

Для забавы ребенка обильничают его ладонью, разными пробирками, кушаньями: пыльными трипочками, маленькими колокольчиками, кусочками мёда, въ которые бьютъ палочкой, чтобы жевало.

По мѣрѣ того, какъ ребенокъ становится старше, понимание его и потребности расширяется. Чтобы забавить „смысленнаго“ ребенка, употребляютъ уже болѣе сложные „притворы“ и „байки“, протѣ общедоступныхъ „ладушекъ“ и „сороки“. Похлывавши обѣими ручками ребенка одна о другую или, такъ при „сорокѣ“, палочникомъ правой руки воли по ладони лѣвой, притворяются:

Цли:

„Ладунки, ладунки,

Гдѣ были?— У бабушки

Что вли?— Кашку.

Что вли?— Бражку.

Кашка мащененькая,

Бражка сладенькая.

Шу-шу! полетѣли, у дружки векныли.

На головку сѣли у на гол. ребенка. А этому не востадо съ показыва

Ц оить слетѣли.

Для забавы ребенка поютъ много шуточнхъ ивсень, въ которыхъ для характеристики приведемъ распространенная напр. въ Ча занской губ.:

Цли:

Гори, дрова, жарко.

Вдѣть Макарика

На шесахъ санкахъ.

Санки евокъ-поскокъ.

Объ дубовойя мостоки.

Объ хрустальнойя детоки.

Петрушоки въ лобоки, въ лобоки

(стучать пальцемъ ребенку

въ лобъ).

Мишка баюшку тошила.

Вонка предочекъ варила.

Но отъ шару вошь узнала.

Съ печки гриндлели.

Побѣжали за пономъ.

„Ужъ ты, багшонъ пономъ,

Схорони нашу рабу,

Лежитъ вошь въ гробу.

„Смысленнаго“ ребенка, чтобы увить его крикъ, пугаютъ уже не простыми стукомъ въ окно, а „волкомъ“, „букой“, „дѣломъ“ и пр. „Не плачь, не плачь, убѣжася въ Новгородской губ. мать крикуна.

вотъ, букъ отдамъ, цыганамъ отдамъ, а то съдому Платону“. „Платонъ бороду прикусить, тебѣ голову откусить“; или две хоти, Платонъ, не дамъ Мишу, ошь не плачь; ступай, Платонъ, къ Етору, тамъ есть плаксы, откусывай имъ головы, а Миша у меня хороний“ и т. д. Въ

это время уже даются въ руки ребенку и перья и ручки деревянная ложка, какойнибудь пузырекъ, „снѣжки“ (куски палочки или кнуть.

Роль такого же развлечения исполняетъ корка хлѣба, которую ребенокъ въ деревнѣ сосетъ съ самаго маленькаго возраста. Къ такой твердой пищѣ, какъ хлѣбъ, ребенка приучаютъ въ деревнѣ вообще очень рано.

Еще не появивши зубы, а уже начинаютъ его жеванымъ хлѣбомъ, кашей, кормя „иза рту въ ротъ“ или „съ пальца“. Нерѣдко въ полугодовой

возрастѣ ребенокъ жетъ уже рѣшительно все, что и старшье хлѣбъ, квась, картошку, капусту, грибы, лукъ, огурцы и пр. Если добавить къ

этому, что мать ребенка крайне неразборчива въ пищу и въ постыдны дни обязательно жетъ постное, то можно судить отсюда, какъ режимъ этотъ отзывается на желудкѣ ребенка, причиняя постоянно желудочнокишечныя разстройства и заболѣванья, называя неможѣрную надутость

живота, что такъ характерно отличаетъ вообще крестьянскихъ дѣтей. Несмотря, однако, на такую систему питания, матери считаютъ необходимымъ кормить дѣтей своимъ молокомъ какъ можно дольше изъ убѣжденія, что „какъ кормишь ребенка титькой, то не скоро забрюхатѣешь“, и что они „ночью-то у груди спать спокойнѣе“. Нормальнымъ срокомъ кормленія повсюду считается три поста, т. е. 1½—2 года, при чемъ „посты“ идутъ въ счетъ только Великій и Успенскій. Изрѣдка бываютъ случаи, что кормятъ и до 3, до 4 лѣтъ, все въ томъ же расчетѣ избавиться отъ беременности. Если беременность наступаетъ ранѣе, т. е. до встеченія трехъ постовъ, то ребенка „отымаютъ отъ груди“. Кормить четвертый постъ считаютъ грѣхомъ, такъ какъ заставляютъ дѣтей поститься вмѣстѣ съ взрослыми. Иныя ретивыя матери даже и въ періодъ кормленія грудью не даютъ ребенку молока по средамъ и пятницамъ и когда несутъ приобщать.

— Время отнятія отъ груди приходится большею частью „на ягоды“, т. е. когда зрѣютъ ягоды, фрукты, овощи, которыхъ „для угомону“ и даютъ малымъ дѣтямъ безъ ограниченія. Съ цѣлью „отсадить ребенка отъ груди“ мать намазываетъ сосокъ своей груди солью, перцемъ или горчицей и даетъ ребенку; если это не дѣйствуетъ, то мажетъ сосокъ сажей, прячетъ за пазуху цетку или кусокъ мѣха и, показывая ребенку, говоритъ: „титю у мамы бука свѣла; вонъ, какая страшная стала! Смотри, не тронь, а то тебя съестъ“. Мѣстами, какъ въ Орловск. губ., существуетъ цѣлый обрядъ „отсаживания“. Садятъ ребенка за столъ, кладутъ около него краюху хлѣба, посыпаннаго солью, ставятъ кружку воды и потомъ зажигаютъ передъ образами свѣчку и молятся Богу. Помолитвись, мать беретъ ребенка на руки, цѣлуетъ его, передаетъ кому-либо изъ семейныхъ и даетъ ребенку хлѣбъ и воду со словами: „дай тебѣ Богъ часть отъ груди отсать и къ хлѣбушку пристать. Пошли тебѣ Богъ семеро ногъ“, и потомъ она уходитъ дня на три куда-либо къ сосѣдямъ, пока ребенокъ не перестанетъ „тосковать“.

Целенаютъ ребенка точно также возможно дольше, пока самъ не начнетъ отбиваться, т. е., примѣрно, до года, полутора лѣтъ, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, спеленутой патуго ребенокъ лучше спать. Соску сосеть ребенокъ еще дольше—до 2, даже до 3 лѣтъ, до этого же времени убавкиваютъ его и въ зыбкѣ.

Въ этомъ возрастѣ дѣтей очень часто носятъ въ церковь приобщать, наблюдая при этомъ, кричатъ ли они во время херувимской,—если кричатъ, то будутъ жить, если нѣтъ, то умрутъ. Ребенку „не стригутъ волосъ до году“, хотя бы они были очень длинные и мѣшали ему глядѣть, на томъ основаніи, что „можно отрѣзать языкъ“, т. е. ребенокъ долго не будетъ говорить. И если ребенокъ на самомъ дѣлѣ оказывается таковымъ, то съ цѣлью „развязать языкъ“ даютъ ему пить воду, которою были окачены колокольчикъ или жертвуютъ въ церковь, для которой льютъ колоколь, деньги. Много заботъ вызываетъ также, если ребенокъ долго „не сходитса“, т. е. не начинаетъ ходить. Чтобы помочь ему въ этомъ отношеніи, водятъ его подъ руки, „перерубая“ слѣдомъ за нимъ каждый шагъ его топоромъ или пожемъ, или же, какъ въ Повгородской губ., „обсѣвая“ этотъ шагъ на полосѣ коноплянымъ сѣномъ.

Какъ только ребенокъ сталъ на ноги и говоритъ нѣкоторыя слова, уходъ за нимъ еще уменьшается, такъ какъ считаютъ, что теперь уже не надо угадывать его потребности и желанія: „самъ скажетъ“. На

опрятность и чистоту его и тѣмъ болѣе никто не обращаетъ вниманія: лазить ли онъ въ грязи подъ лавкой, копаются ли на дворѣ въ павозы или валяются на сырой землѣ, все равно—лишь бы не голосиль". Пѣрѣлка сунуть ему корку хлѣба въ руку, и онъ цѣлый день такимъ образомъ. если лѣтнее время, проводить у воротъ дома въ одной грязной рубашкѣ, немытый, почесанный. Если написать ревѣть и приставать къ матери, то она ему надасть „плетней“ и этою воспитательною мѣрой ограничивается. Зимой дѣтей одѣваютъ потеплѣе: въ ватную старую кофту матери, въ теплую старую шапку или платокъ и въ шерстяные чулки. Такихъ „мальцовъ“ принято уже сажать во время обѣда за общій столъ.

А. А. Чарушинъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Съ 20 по 31 января 1915 года созывается въ Сумскомъ посадѣ, Кемскаго уѣзда, Второй Рыбопромышленный Сѣздъ Поморско-Мурманскаго района. Для выполненія намѣченной программы предстоящей Сѣзду нуждается въ докладчикахъ изъ представителей торговли и промышленности, съ одной стороны, и изъ специалистовъ по различнымъ отраслямъ рыбной промышленности—съ другой.

Признавая за даннымъ Сѣздомъ большое мѣстное значеніе и, кромѣ того, значеніе общегосударственнаго характера, Правленіе имѣетъ честь просить всѣхъ членовъ О-ва, интересующихся намѣченными въ программѣ Сѣзда вопросами, принять участіе въ ихъ обсужденіи, сообщивъ о своемъ намѣреніи участвовать въ Сѣздѣ въ канцелярію Правленія.

Кромѣ того, Правленіе извѣщаетъ членовъ О-ва, что несостоявшееся въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ с. Сорокѣ Совѣщаніе Мурманской желѣзной дорогѣ переносится на первый день Второго Рыбопромышленнаго Сѣзда въ Сумскій посадъ.

Поморскій Отдѣлъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера довелъ до свѣдѣнія Правленія, что лицамъ съ недостаточными средствами расходы на проѣздъ въ Суму будутъ Отдѣломъ возмѣщены.

Желѣзнодорожные пути сообщенія.

Мурманская желѣзная дорога. Корреспондентъ Петроградскихъ Вѣдомостей изъ Либавы, между прочимъ, пишетъ, что одной четверти той суммы, какая была израсходована на сооруженіе тамъ военнаго порта было бы достаточно для оборудованія порта въ Александровскѣ и проведенія желѣзной дороги къ нему плыть. Пельзя не согласится съ нимъ, что даже и въ настоящее время мы могли бы, при нѣкоторомъ напряженіи силъ и при содѣйствіи нашихъ инженеровъ, а равно и при дешевомъ обязательномъ трудѣ десятковъ тысячъ плѣнныхъ, построить рельсовый путь отъ Торнео или отъ Юэнеу къ Мурману. Во время войны за освобожденіе Болгаріи мы сумѣли построить очень быстро стальные пути къ берегамъ Дуная, въ Рени и въ Галацъ и изъ Журжева въ Петропани. Плыть Россія нуждается въ свободномъ морскомъ